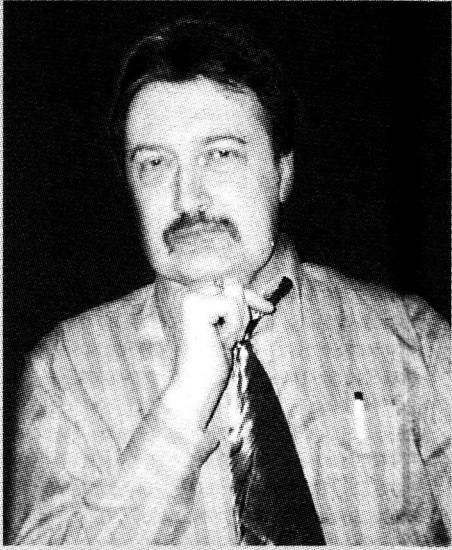

По натянутому канату

У мстителя побежали по спине мурашки, когда он вспомнил про нож

Андрей КУДИНОВ

От автора

Мое вхождение в литературу началось с беды – я потерял способность ходить. Бездействие породило движение мысли. Так я начал писать. Потихоньку, осторожно, не стесняясь каждое слово, каждое предложение, боясь сорваться в ту или иную сторону, я словно по натянутому канату начал двигаться от одного своего рассказа к другому. Оказывается, писательство предполагает не только страх перед падением из-за неприятия или непонимания читателя, но еще и дарит огромную радость творчества, где в каждом своем маленьком произведении я чувствовал себя волшебником, хозяином, который шариковой ручкой, как волшебной палочкой, мог распоряжаться своими сюжетами и их героями. Потом этими неокрепшими, неопытными и далеко еще неискусными в борьбе за место под солнцем произведениями я начал стучаться в редакционные двери.

Конечно, не сразу, но в конце концов мои литературные опыты были замечены. И было здорово, когда моя фамилия, наконец, замелькала на страницах газет и даже стала иногда употребляться рядом с таким лестным для меня словом, как «писатель». Сначала «Магнитогорский металл», потом «Магнитогорский рабочий»... В итоге редактор «ММ» С. Рухмалев помог мне с изданием моей первой книги «Из трех тетрадей». Так посредством прессы и печати я стал общаться с окружающим миром, ранее для меня недоступным. Согласитесь, для инвалида первой группы это совсем неплохо. И если Бог до сих пор позволяет мне заниматься писательством, значит, кому-то это нужно.

Огромная благодарность профессору филологического факультета МаГУ И. Поляковой. Без ее участия и доброго сердца все литературные потуги мои были бы напрасными.

Звезды на земле

Это было в 80-х годах. Из-за производственной необходимости Павел Завирухин попал из листопрокатного цеха на коксохим. Там – чистота, порядок, технология, требующая интеллектуальных вложений, а тут – машины лопатой да следы за транспортерной лентой с черной фракцией угля, чтоб нигде не завалило, не остановилось, чтобы этой самой лопатой поменьше пришлось разгребать завалы. Вот и весь процесс.

Здесь же производства Завирухин особо не понимал да и вникать в него не хотел. Ему здесь надо было отработать два месяца – вот и вся задача. В общем, им заткнули дырку: на коксохиме не хватало людей. Паша уже привык к вечно подведенным угольной пылью глазам, к шуму и суете производства, но вот с людьми, с рабочими сходилась туго. Да и зачем, если скоро уходить? Не сказать, что он был консерватором или страдал некоммуникабельностью, но привыкать к новой работе и незнакомому коллективу никак не хотелось. Вот и сегодня в душевой, переодеваясь на работу, чуть не сорвался. Молодой парень, можно сказать, еще совсем пацан – в армии наверняка не служил – подошел и спросил закурить. Это был Костя Потынин из одной с ним бригады. В лицо Завирухину резко ударило перегаром. «Вот паразиты, акселераты проклятые, и когда они успевают!» – подумал Паша, а вслух зло ответил, что сигарет нет и не предвидится. Лицо Кости вытянулось – даже удивления прятать не стал: как так, солидный мужик, а на работу без курева приперся. Ну с ним-то все ясно – молодой еще, и такие промашки позволительны. Плечи Потынина расстроено опустились, он вздохнул и пошел к своему ящику.

– Иди, иди, – думал Завирухин, глядя в спину так называемому акселерату, – меньше надо водки жрать и больше о предстоящей смене думать!

Но в то же время местная публика нравилась Паше. Она была много проще, чем в его родном цехе. И Потынин уже забыл про Пашкину брехню с куревом и, переодеваясь, вел безобидный треп про водку, про свои выходные и другие молодые дела.

Согласно производственному заданию Завирухин сегодня должен был следить за подачей угольного конгломерата. Черная масса поднималась по транспортерной ленте на высоченную башню, и потом, по мере заполнения одной шахты, ему надо было переключать поток угля на другую. Смена была ночная, и как ни крути, хотелось спать. Ровный, монотонный звук завода убаюкивал и заставлял слипаться глаза. Сегодня почему-то спать хотелось как никогда: бывают иной раз такие трудные смены. И Завирухин, чтобы избежать этой напасти, вышел на открытую площадку своей башни: может, на свежем воздухе развеюсь. Башня была высокой, площадка – широкая и с ограждением. Он облокотился о перила, закурил, прислушался к ночному шуму. Сон начал отпускать, на душе повеселело. Он смотрел на ночную суету комбината и с удивлением отмечал, что все это похоже на шевеление живого

организма. Локомотивы с их составами, как кровь по артериям, носились между объектами, сигнальные огни, вспышки сварки – все пульсировало, как множество сердец. Стук агрегатов был их биением, а выпускаемый машинами пар – дыханием. Паша смотрел вниз, и ему казалось, что он видит небо: такие же облака, такое же множество звездочек, такая же загадочная и бесконечная ночная бездна. Вообще, на него можно смотреть по-разному. Одни смотрят на звезды и думают: вот бы мне такие плафоны. А Паша сегодня там увидел красоту, гармонию. «Как много, оказывается, может человек! – с удивлением обнаружил для себя Завирухин. – Какая мощь, какая сила! Звезды под ногами – это ж надо подумать!»

В здании башни загрохотало, Паша понял – пора бежать: очередная емкость заполнилась. А на обед он опять столкнулся с Костей, тот уже покушал и одевал телогрейку, собираясь покинуть столовую.

– Ну, ты сигареты-то нашел, – поинтересовался Паша.

– Откуда? У нас тут магазинов нет. Перехватываю то тут то там...

Завирухин сунул руку в карман, вытащил сигареты, отсыпал половину и протянул Потынину. Костя уже во второй раз, как в душевой, пришлось удивиться: странный мужик какой-то, то есть у него курева, то нет. Но долго думать не стал, взял сигареты и рванул на работу. «Завтра отдам!» – крикнул на ходу. Пашка с удовольствием отметил, что перегаром от парня уже не пахло: быстро, все-таки, эта дрянь выветривается. «Вообще-то, все плохое должно проходить быстро!» – с удовлетворением подумал он.

Трудно быть Богом

Он стоял в темном углу, прислонившись к стене дома. Он долго ждал. Теперь можно и расслабиться. А ждал он полтора года, если не больше. И вот настал этот долгожданный момент: сейчас появится объект всех бед Володи Беленького – так звали одиноко стоящего в подворотне человека, и он наконец-то удовлетворит свои амбиции. Как ни странно, Володя был спокоен. Может быть, уверенность ему придавал нож, удобно расположившийся в ладони, а может, это было не спокойствие, а усталость после столь долгого ожидания и разочарования от обыденности наконец-то наступившего праздника. Сейчас появится этот человек, и Вовка воткнет в него бойкое лезвие финки. Потом какое-то время посмотрит в испуганные глаза врага и ударит еще, еще... И с каждым разом будет спрашивать: «Ну что, помнишь? Армию? Кипяток? Помнишь? Помнишь?» И будет бить, пока тот не упадет. А потом Вова Беленький вытрет об него безразличную ко всему сталь и плюнет в лицо. Жертва, конечно, все вспомнит: полтора года – не слишком большой срок. Но Беленький уж точно забывать не собирался, как ему в армии опрокинули чан с кипятком на живот. Вернее, на его низ. И Вовка

визжал потом, как резанный поросенок, бегая меж кухонных столов, то подпрыгивая, то приседая от адской боли. Старослужащие вокруг смеялись. А когда он скинул штаны, чтоб хоть немного избавиться от горячего пара, тут «потеха» набрала полную силу.

Взвод Володи Беленького был тогда в наряде по столовой: уборка, мойка полов, чистка картошки... И приперло же Вовку подойти к кипящему чану – посмотреть, что там готовится. Откуда ему было знать, что там дембеля варили мясо. Все бы ничего, но у Вовки в это время от столовской жары по носу поползла капелька пота, и он, забыв, что у него в руке грязная тряпка, взялся смахнуть эту неожиданность, полав именно ею как раз в этот чан. Так тряпка там и осталась. Вот тогда-то один из «стариков» – а сейчас Беленький его и ждал – опрокинул на него этот котел: «Что ж ты, гад, делаешь! Столько тут мяса, а ты туда тряпкой! На тебе...» Вовка даже отскочить не успел. После этого и начались его мучения. Госпиталь, насмешки по поводу «танца» в столовой, и самое худшее, что случилось, – нервный стресс, из-за которого у Беленького начались проблемы с женщинами. Но он не стал вешаться, ходить к врачам, а взял и выточил на работе красивую, с наборной ручкой финку. После чего поехал в другой город к своему обидчику. «Повешусь после!» – решил он.

Найти Вальку Атропова – того самого старослужащего – было несложно. Еще в армии, будучи дневальным, он легко «срисовал» его адрес, когда в роту принесли пачку писем от родственников. И сегодня он уже спрашивал у местной шантрапы – живет ли здесь такой-то. Получив полную информацию от пацанов, он теперь ждал Атропова в черном проеме арки. Валька с минуты на минуту должен был появиться после работы. Была поздняя осень, стемнело рано. А воткнуть нож – секундное дело. Вскоре вдалеке появилась одинокая фигура. Вовка сразу узнал его: такой же сутулый, с быстрой подпрыгивающей походкой трусливого животного, напоминающего шакала из мультфильма «Маугли». Может, это и казалось, но Володя настолько ненавидел этого человека, что другой ассоциации найти не мог. Он уж было двинулся вперед, еще крепче зажав оружие в руке, но тут к фигуре его врага присоединились еще две. Одна женская, а другая совсем маленькая – ребенок. Тот теперь держал за руки обоих и семенял между ними, спотыкаясь и лопоча себе под нос обычную детскую цеху. Такого оборота событий Вовка не ожидал. Голос ребенка был настолько нежным и безобидным, исполненным такой доброты и доверия к окружающему миру, что у мстителя побежали по спине мурашки, когда он вспомнил про нож, про ожидаемую кровь, про Валькины глаза, в которых так хотел увидеть боль.

Наконец они встретились. Вовка увидел его! Испуганного, удивленного. Он и сам был смущен – своим бездействием и нерешительностью. Это была, конечно, не трусость. Огромные, перечеркивающие все злое и нехорошее глаза маленькой девочки в эту минуту сильнее любого щита спасали Вальку Атропова, который даже в сумерках узнал бывшего сослуживца. Вовка не успел ни отвернуться, ни спрятаться. И когда их взгляды встретились, Атропов побледнел, напрягся и даже отступил назад, как будто на него уже нападали.

– Ты чего тут? – выдал из себя Валентин, глядя на Володину руку, застывшую в кармане плаща. Он все понял.

– Да вот, соскучился, решил посмотреть, как ты тут...

– Н-ничего, – тяжело сглотнув, ответил Валька, уже капитально загнипнотизированный правой рукой своего старого знакомого. Женщина ничего не поняла, и только после того, как человек из подворотни представился бывшим сослуживцем ее мужа, мило улыбнулась и пригласила Володю ради такого случая отужинать. Она как раз только что чего-то там наготовила – и все горячее...

– Не надо, – глядя прямо в глаза Вальке, ухмыльнулся Владимир. – Тем более, что горячее. Да и ем я много, боюсь ребенку вашему после ничего не достанется. А хотелось бы, чтобы она у вас сытая была. И обутая...

Вовка чуть помолчал, а после посмотрел на Атропова уже совсем по-другому:

– Ну, ладно, Валька, бывай! Как девочку-то звать? Хорошая она у тебя. Ради такого чуда стоит жить... – Вовка резко развернулся и пошел прочь.

В голове его была абсолютная пустота. Да он и думать ни о чем не хотел – и так все было ясно. И только пока непонятная радость начала потихоньку, волнами, подниматься из глубины его души, объяснение которой он вскоре понял: он не успел, он не успел ничего сделать! И увидел этого ребенка прежде, чем достал нож. На какой-то момент бывший солдат почувствовал себя Богом. И не из-за того, что только что подарил кому-то жизнь, а потому, что научился прощать.

Коллаж Ирина ЖУРАВЛЁВА